

ЛИЯ
СЕДАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В плену
БУРАНА

Лия Седая

В плену Бурана

«Автор»

2026

Седая Л.

В плену Бурана / Л. Седая — «Автор», 2026

- Вы не могли бы меня подвезти? Машина сломалась и не заводится. Я заплачу! Мужчина смотрел на меня сверху вниз: нахально и жадно. Так, наверное, на добычу смотрят.- К черту твои деньги. Со мной поедешь, там и отработаешь.- К-куда? – я остолбенела.- Туда, где нас никто и никогда не найдет, кроха. Будешь меня ублажать. Я думала, что мне повезло, что он остановился на заснеженной трассе, когда я голосовала. Но все оказалось совсем не так. Теперь я в плену метели и Бурана

© Седая Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5. Буран	19
Глава 6	22
Глава 7. Вадим	25
Глава 8. Буран	27
Глава 9	30
Глава 10. Буран	33
Глава 11. Буран	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лия Седая

В плену Бурана

Глава 1

– Попала ты, кроха...

Высокий и широкоплечий мужчина нахально смотрел на меня сверху вниз.

И взгляд у него был не слишком добрым. Так, наверное, на добычу смотрят, а не на человека, которому хотят помочь. Я проглотила комок слюны и вздернула голову повыше. Соберись, Соф, пусть он жутковато выглядит, но он единственный, кто проехал по заснеженной дороге, где нет мобильной связи, за последние полчаса.

И мне повезло, что он вообще решил остановиться.

Повезло, да, же?

– Извините, пожалуйста! – я прижала уже озябшие руки к груди. – Вы не могли бы меня подвезти? Машина сломалась и не заводится.

– Подвезти? А расплатиться будет чем?

– А, вы знаете, у меня нет налички, – я заторопилась. – Но я могу вам перевести на карту. Вас устроит такой вариант? Только сеть бы...

Я даже достала из кармана телефон, чтобы казаться убедительнее.

Заплачу, без проблем, мне аванс выдали приличный. Могу даже и шикануть немножко. Точнее, собиралась шикануть. А сейчас уж как получится. Если он меня не подбросит до ближайшего поселка, я тут окоченею. Дурацкая машина сломалась ровно на половине пути к горнолыжному курорту.

О том, что мне советовали ее проверить перед поездкой, я старалась сейчас не думать.

– Не устроит. Нахрен мне твои деньги, – он жадно ощупал меня взглядом с головы до ног. – Со мной поедешь. Там и отработаешь.

– К-куда? – я остолбенела. Это что еще за шуточки такие? Он меня за кого принимает?

– Ко мне. Будешь жрать готовить и убираться. Ну, и меня ублажать, чтоб я не заскучал, пока тут сижу как привязанный.

– Я что, на кухарку похожа? – я вдруг разозлилась.

Ничего себе, йети обнаглевший!

Мужчина шагнул ко мне.

От неожиданного захвата на талии, я взвизгнула. Ударила его кулаками по плечам, заскребла по грубоватой материи его куртки пальцами.

Но куда там...

Он даже не почувствовал будто моего сопротивления. Сверкнул на меня темным взглядом, приказал замолчать без слов.

– Тебя только готовка напрягает? То есть потрахаться ты не прочь, да, кроха? – он склонил голову, прищурился внимательно. – Мне нравится твой настрой. Тем более, – он крепко прихватил меня за ягодицу и сжал ее пальцами. – Попка у тебя очень даже. Люблю такие крепкие яблочки.

– Уберите руки, вы что?! – я забилась в его руках, но толку от этого было чуть. – Я никуда с вами не поеду!

– Не тупи, ты замерзнешь. Впереди ночь, – безжалостно добил он меня, не подумав отпустить. – И метель усиливается, видишь? Что страшнее, раздвинуть ножки передо мной или сдохнуть в сугробе на трассе?

Природа-предательница, словно подтверждая его слова, вlepила нам в лица очередной снежный заряд. Снегопад стал еще плотнее. Ледяные порывы ветра забирались мне под короткую дубленку. Морозили вдруг взмокшую от испуга спину.

Вот черт, этот мужлан прав, я в западне!

Не поеду с ним, замерзну тут к чертовой матери. А если поеду? Вдруг, правда, изнасилует?

Обалденный выбор, товарищи, у меня, оказывается!

– Дядь Вадь! – заднее стекло в его пикапе открылось. Видно было плохо в сумерках, но голос точно был детским. У него в машине девочка! – Дядь Вадь! Мы скоро поедем?

– Ладно, я поеду с вами, – вдруг выпалила я.

Кто меня дернул за язык?

Может, надежда на то, что мужчина, везущий куда-то маленькую девочку, не станет меня при ней принуждать к сексу?

Ну, хотя бы не прямо сейчас! Не при ней же!

А потом я что-то наверняка придумаю. Меня за сообразительность и ценили в газете, вообще-то. Я всегда умела выворачиваться из безвыходных ситуаций. Главное – не трусить или делать это незаметно.

Такие, как он, как звери чуют запах страха.

– Но имейте в виду, я – приличная. И у меня супер влиятельный жених. Тронете меня – вам же хуже будет.

– Аж яйца от страха поджались, – издевательски усмехнулся мужчина. Хлопнул меня по заднице пятерней, прижимая к своему паху. – Пощупать хочешь?

– Да отпустите вы меня!

В паху у него даже щупать не нужно было. Там такой бугор стоял, что я и так все поняла.

Взвизгнула, отцепляя его от себя.

Но его руки как-то очень легко убрались с моей талии. И нет, это не потому что я такая сильная. Просто он позволил мне это сделать. Огромный кот выпустил маленькую мышку из когтей. Игры у него, судя по всему, такие.

– Шевели колготками, если не хочешь жопу отморозить окончательно.

Грубиян!

Я зашипела от злости, но послушно схватила с сиденья своей машинки сумочку. Ткнула кнопку на брелоке сигнализации. Машина прогудела. А я зло цокнула сама на себя.

Начерта вот сигнализация, скажите?

Чтобы белки орешки из бардачка не украли?

Кому нужна моя сломанная тачка? Кто тут поедет в такую погоду? Я одна такая сумасшедшая. Да еще вот этот...

Я посмотрела в широкую спину мужчины, что уже садился за руль. Красивый мужик. Эдакий медведь. И ниточки седины на висках ему идут безумно, настоящий брутал, альфац во плоти. Вот только странный какой-то.

И страшно вроде бы до ужаса, но в тоже время...

Он же мог просто послать меня сразу и уехать. А он предупредил, что будет только хуже.

И ждет, стоит.

Стоп-огни пикапа, будто в ответ на мои мысли, сразу же ярко вспыхнули красным. Ой-ей-ей! Поскальзываясь, я торопливо поскакала по обледелому асфальту к джипу. С физическим удовольствием влезла в нагретый салон.

Божечки, тепло-о...

Пальцы сразу же заломило, закололо иголочками, но я все равно вначале обернулась. На заднем сиденье сидела девочка лет семи.

Смешная, в теплой пухлой розовой куртке и таких же штанах. Курносая и с двумя хвостиками. Совершенно непохожая на своего мрачного попутчика внешне. Но такая же хмурая. Посмотрела на меня исподлобья и отвернулась.

В сердце кольнуло страхом.

А что, если он ее похитил?

– Привет, – я улыбнулась ребенку, а потом посмотрела на грубияна-спасителя. – Это ваша дочь?

– Меньше вопросов задавай, сон будет крепче. И жопа целая.

Последнее предложение он добавил уже тише. Так, чтобы только я услышала. Но я сделала вид, что не услышала. Вот уж действительно, лучше помолчу – целее буду!

Я отвернулась в окно и уже туда, в темноту леса, округлила глаза. Хотелось запищать, чтобы выразить все свои эмоции, но как? Страшно-то как, мамочки! А какой у меня был выбор? Замерзать? Умирать я пока не готова. Мне двадцать пять всего!

И у меня важное задание.

За большо-ой гонорар.

Я тихонько выдохнула сквозь сжатые зубы.

Мне бы только до жилья какого-нибудь добраться с ними, только бы.

Может, я просто нагнетаю? Обвиняю человека в черт знает чем. Может, он адекватный. Едет папочка домой с дочерью, да и все. Вон он даже не ругается при ней, это же что-то значит?

Только она его почему-то по имени зовет, это тоже навеивает на мысли.

Пикап с глухим рычанием свернул с трассы в лес. Просто провалился в снег колесами. И я, и девочка сзади дружно взвизгнули от неожиданности.

– Что такое? Куда вы? – я со страхом посмотрела на мужчину. – Поселок ведь впереди по дороге!

Меня проигнорировали.

Нет, я, похоже, не нагнетаю! Нормальный человек разве не поймет, что я себя неуютно чувствую? Не попытается как-то успокоить?

Джип урчал и мерно греб огромными колесами рыхлый снег под себя.

Переваливался, оставляя за собой высокие черные ели. В густом лесу было уже совсем темно. Вадим, как назвала мужчину девочка, еще и фары приглушил. Подсвечивал дорогу только противотуманками. Как будто на ощупь ехал. По памяти.

Или прятался.

Я незаметно сжала пальцы в кулаки. Так, что ногти в ладошки воткнулись до саднящей боли. Может, выскочить на ходу? Едем не быстро ведь...

А куда прыгать?

В снег по пояс? И что дальше? От дороги мы отъехали уже прилично. По следам от колес я дойду, предположим. А потом что? Ложиться на асфальт и замерзать? Мне захотелось заскулить. Нет выхода! Нет!

Гребанная метель!

Гребанная машина!

Я бы уже в отеле была. Распаковывала свои вещи и... Е-мое! Вещи! Я забыла в багажнике чемодан!

– Приехали, – вдруг глухо сказал Вадим.

Машина загудела и дернулась, а я вскинула голову. Фары тускло освещали глухую бревенчатую стену. Это что, это его дом?

Ангар?

В глухом лесу?

– На выход.

– Где мы? – я со страхом вцепилась за поручень на двери. – Что это за место?

Он, наконец-то, соизволил повернуться ко мне.

Посмотрел на испуганную меня с удовлетворением, хмыкнул:

– Там, где нас никто и никогда не найдет, кроха. Но ты кайфанешь, зуб даю. И не раз...

Я застонала уже никого не стесняясь. Господи, зачем я к нему села...

Глава 2

Я не могла отойти от девочки дальше, чем на пару шагов.

Инстинктивно.

Не понимала, чего сейчас в душе было больше, желания ее защитить от возможного маньяка или самой быть в безопасности рядом с ней?

Да, наверное, и того, и другого хватало через край!

Но она заведомо слабее, конечно. Ее я буду спасать вперед, если что. Тоже на инстинктах, это было сильнее меня и всех доводов разума.

– Марийка, хочешь, твою комнату покажу? – Вадим втолкнул нас в просторную прихожую дома. Захлопнул дверь, включил свет сразу во всем доме, щелкая сразу всеми клавишами на стене.

– Ага, хочу!

Я раскрыла рот.

Девочка стянула с взлохмаченной светлой головы шапку и вдруг влезла к нашему общему маньяку на руки. А он подхватил ее, прижал к себе как заботливый папка и понес куда-то по коридору.

Это что?

Это... Я же правильно все понимаю, она ему доверяет? Сама подходит же. Никакой угрозы не чувствует, значит.

А я вот чувствую!

Очень даже!

Я переступила на месте деревянными ногами. Пока хозяина нет, хоть осмотрюсь. Не будем откидывать вариант экстренного побега, не будем.

Шагнула вперед осторожно, огляделась.

Передо мной была кухня.

Простая. Похожая на деревенскую, но немного современнее. Газовая плита. Чайник со свистком. Обычный стол, стулья, гарнитуры. Все из темного дерева. Я присмотрела, но нет, это была не грязь и не копоть. Просто дерево такое. Были бы мы где-то в шикарном особняке, я бы подумала, что это дорогуший комплект ручной работы.

Но ему откуда здесь взяться?

Сбоку, я вытянула шею, заглядывая в другой дверной проем, была гостиная. Точно она, потому что я увидела часть коричневого дивана.

В общем, мне все даже нравилось. А, главное – тут было тепло! Не комфортная температура, как в моей городской квартире, но и не холодира, как на улице. И это тоже пугало. Значит, тут тоже кто-то есть? Значит, кроме грубияна Вадима мне еще стоит кого-то бояться?

Я задумчиво посмотрела на ножи, что висели на магните под шкафчиками.

Может прихватить?

Ну, на всякий случай...

– Ты какого хера даже чайник не поставила?

– А-а-а! – я подскочила как ошпаренная.

– Чо орешь? Больная? – уже раздевшийся Вадим вошел на кухню и взял с плиты чайник. Отвернул кран и на дно чайника, о, чудо, ударила струя чистой воды.

– Я нормальная! Просто подкрадываться так не надо!

Он фыркнул.

Даже не поворачивая головы, окатил меня презрением с головы до ног. И меня от этого взорвало возмущением.

Да он хамло!

– Я тебе сказал, что будешь жрать готовить и убираться. Приступай.

– А я вам сказала, что я не кухарка! – я вздернула нос в потолок. – И я в чужом доме не могу просто так вот взять и начать что-то делать без разрешения.

– Так и знал, что руки у тебя из жопы, мажорка городская.

– Да отвалите вы от моей жопы! – мне захотелось топнуть ногой, но я сдержалась.

Как он вообще умудряется меня выводить из себя каждым своим словом? Я таких обычно даже не употребляю в своей речи!

– Да вот хер ты угадала, кроха, – он оглядел мои бедра. – Я тебе сразу условия сделки прописал. И ты согласилась.

– Я же вам сказала...

– На полтона тише, кроха, – устало приказал Вадим. – Башка трещит от твоих визгов, пиздец.

– Кто вы? – я сжала зубы и вздернула подбородок. Вцепилась за своей спиной в толстую плиту обеденного стола. Надеюсь, он не заметит, что меня просто трясет уже. – Почему с вами эта девочка? Вы же ей не отец! Вы ее похитили?

Вадим медленно поставил чайник обратно на плиту.

Повернулся ко мне. Сейчас, даже когда он снял свою огромную куртку, он меньше совсем не стал. От широких плеч и бицепсов, обтянутых тонким, довольно хорошего качества, свитером, исходила сила.

Неведомое влияние, какого я еще ни у кого не встречала.

– Кто я?

Меня сгибало.

Физически.

Он подходил, а я становилась ниже. Иначе было просто невозможно. Он подавлял. Даже пальцем не шевелил, а я почти уже скулила от страха.

По пояснице скользнула холодная капля пота. Липко стекла в ложбинку между ягодиц, заставляя меня напрячь мышцы.

– Ты реально хочешь узнать, кто я, девочка? – Вадим поднял руку.

Дотронулся до моей щеки.

Отвел несколько растрепавшихся волосков в сторону. Голову хотелось отдернуть. Отвернуться. Отскочить. Спастись от его прикосновений.

Он не маньяк.

Он зверь.

Животное.

Сильное. Опасное. Хищное.

От таких нужно убегать без оглядки. Или прижиматься как можно крепче, чтобы он перестал быть угрозой. Но пошевелиться я была не способна. Да и с чего вдруг, вообще?

– Маленькая, трусливая малышка, – я тонула в его темно синих глазах. Утопала как в омуте. – Такая красивая...

Собачка на молнии дубленки поползла вниз.

А я не могла взгляд отвести от его лица.

От чуть обветренных красивых губ, от ухоженной бороды. Откуда у лесного маньяка такая ухоженная борода?

Это же нелогично...

Боже...

Горячая ладонь медленно проникла под мою дубленку. От прикосновения к обнаженной коже под пуловером я вздрогнула.

– Такая трепетная...

Губы Вадима коснулись моего уха.

От жаркого выдоха по спине табуном рванулись мурашки. Стянули шею. Заставили кожу под волосами на макушке напрячься.

Влажный язык прочертил дорожку по моей скуле.

Как будто оценил меня на вкус.

Ой, мамочка...

Сопротивляться было невозможно. Я почти висела в его руках. Запрокинула голову. Чтобы хотя бы на десяток сантиметров отдалиться.

– Сла-адкая...

Он резко сжал мою грудь. Завалил меня назад ее ниже. Подвесил на свою сильную руку. Задрал на мне одежду почти до горла. Вспахал пальцами кожу на ребрах до розовых жгучих полос.

И с тихим рычанием осмотрел.

Мамочка, мамочка, мамочка...

Разве бывают такие мужчины, такое желание? Его пах до сих пор толкался в меня. И даже через плотные зимние брюки я отчетливо чувствовала его возбуждение.

Мышцы на животе стянуло.

Выжгло пламенем изнутри. И сразу же затопило непонятной сладостью.

– Ва-ах-ди-им...

Он засмеялся.

Тихим, низким рокотом. Пробил вибрацией меня от пальчиков на ногах до затылка.

Сгреб ладонью вторую грудь. Сдавил и тот сосок до боли.

Заглянул в глаза жадно:

– Я же тебя предупреждал, кроха, задавай меньше вопросов.

– Кто вы? – я захлебывалась от странной тихой истерики.

Его руки сжимали мое тело. Обхватывали плотно всей поверхностью ладоней. Мяли как послушный пластилин.

– Добрый странник, – хищно улынулся Вадим. – Спаситель маленьких мокреньких крошек. Фанатик жаркой страстной благодарности. Пойдет?

Я взвыла.

Вадим вздернул меня. Встряхнул, чтобы на ноги встала покрепче. И задрал подбородок кверху сильными пальцами.

– За Марийку не беспокойся. Ее я не обижу.

– А меня? – хоть он меня и держал, меня штормило.

– А тебя... Зависит от твоего поведения и твоих умений, кроха. Знала бы ты, какой я голодный. Во всех смыслах. Ты ведь не целочка, надеюсь?

Глава 3

– Дядь Вадь?

Я с писком оттолкнула Вадима от себя.

Отвернулась от вошедшей на кухню девочки, одернула свитер.

Позор какой! Ужас!

При ребенке!

– Да, Мариш? – а этому гаду хоть бы хны!

– Я кушать хочу. Можно мне чего-нибудь поесть? – девочка все так же настороженно смотрела на меня.

– Сейчас тебе ... Вот срань, тебя как зовут-то хоть, крох?

Я возмущенно посмотрела на Вадима.

Ну, классно, что еще сказать! Как в трусы ко мне лезть, так ему имя не нужно. А тут, гляди-ка!

И вообще!

Материться при малышке я бы тоже не рекомендовала. Можно же как-то сдерживать свои дикие привычки хотя бы в присутствии ребенка?

– Софья, – я едва удержалась, чтобы не процедить свое имя сквозь зубы. Ну, правда, не будешь же при ней еще и цапаться. – Меня зовут Софья.

– В сумке продукты. Бутеры замути, – приказал мне Вадим, все равно не используя уже известное ему имя.

Поймал мою злость на лице, ухмыльнулся издевательски и отвернулся поджечь газ на плите.

Р-р-р...

– А ты Маша, да? – я переключилась на девочку. Не нравится мне, что она такая настороженная. Что-то тут не то все-таки.

Она кивнула мне взлохмаченной после шапки головой.

Свитерок с высоким горлом на ней был явно брендовым. Да и джинсики тоже. Кто-то одевал девочку с особой тщательностью и не жалея денег.

Еще вопросец в копилочку.

– Здорово. У меня подругу так зовут, Маша. Поможешь мне бутерброды делать? – я пыталась наладить с ней контакт, сразу признавая нашу общность. В этом доме мне друзья явно понадобятся.

В сумке, которую занес из пикапа Вадим, нашелся хлеб. Нарезка из копченого мяса, кусок сыра, несколько помидоров и пачка печенья.

Все.

Негусто, но на перекусить хватит. Надеюсь, у него тут еще продукты есть? Или он собрался нас грибами сушеными кормить? В таком случае я уже жалею, что не забрала орешки из бардачка, честное слово. С грибами мне как-то категорически не везло никогда. Не справлялась я с ними, получалось несъедобно.

Бутерброды проще, да.

От помидоров Маша отказалась. А вот обычный хлеб с мясом и сыром умяла за милую душу. Запила чаем и попросила второй бутерброд, но не съела даже половины.

Положила голову на руки и почти сразу же заснула.

Я с сочувствием посмотрела на нее. Я-то вымоталась за последний час. А она вообще малышка. И что-то мне подсказывает, что они тоже ехали сюда издалека.

В каком-то странном порыве я подняла руку и аккуратно погладила спящую девочку по голове.

– Эх, Марийка, – Вадим мой жест заметил. Отставил свою кружку с чаем, осторожно подхватил девочку на руки. Уложил ее голову себе на грудь и понес в комнату. – Спи, спи, мелкая, все наладится.

Я задумчиво посмотрела ему вслед.

У девочки какое-то горе? Может, поэтому она оказалась с ним? Ведь со мной он ведет себя максимально по негодяйски. С ней – как заботливый отец. Но он ей точно не отец.

Может, отчим?

Тоже нет. Я ведь успела разглядеть, они похожи. Разрез глаз, их цвет. И просто что-то неуловимое в мимике, родственная связь явно прослеживалась.

Но где ее мать, почему девочка оказалась с этим человеком одна?

Я встала со стула, натянула рукава на кисти рук и обхватила себя за плечи. Ох, Соф... Вот какая тебе разница? Тебе вот эта информация зачем?

Наоборот, все отлично, если так.

Можно за нее не переживать. Только о своей заднице беспокоиться.

ТЬфу ты, блин!

Я поморщилась. Тоже все мысли только о заднице теперь. От Вадима заразилась, что ли. Вот еще не хватало.

Я собрала чашки со стола, помыла после чая. Достала телефон из висящей на спинке стула дубленки. Вдохнула и убрала обратно в карман. Нет связи. Ни позвонить, ни предупредить. И характер работы у меня такой, что дня три меня вообще никто трогать не будет. Будут ждать вестей от меня. А у меня их нет...

И будут ли – неизвестно.

Тут бы задницу свою...

Да вот же привязалось, а!

За стеной что-то громко звякнуло.

Я осторожно выглянула туда. Да уж. Неплохой у Вадима тут домик. Диван в гостиной был не один, а два. И оба – обиты шикарным дорогим коричневым велюром. Я нахмурилась.

Добротное, дорогое дерево в мебели и в отделке дома.

Все натуральное. Не пластиковая ерунда якобы под дерево, все настоящее. Немалых денег стоит. Откуда они у такого чувака, как он, только?

Посреди гостиной стояла печь-голландка. Довольно большая, из каменных кирпичей и со стеклянной дверцей. Ее Вадим сейчас и разжигал, ей звенел.

– Возьми свою сумку и неси сюда.

– Зачем? – я вздрогнула. У него глаза на затылке что ли?

– Я сказал.

Я тихонько показала ему язык.

По-детски.

Но грубить вслух... Что-то страшно уже. Опять набросится.

– Живее!

Да как он это делает?

Он и через стены смотреть умеет?

Я схватила сумку и вышла в гостиную. Воздух в доме стал еще теплее на несколько градусов, но явно не из-за огня в печи. Был какой-то скрытый обогрев явно.

Вадим достал из небольшого бара-тумбы бутылку виски. Налил в два невысоких стакана напиток. Подал один мне.

– Садись.

Я села на диван.

Пить я с ним не буду, размышлялся.

Незачем. Да и не пью я такие крепкие напитки в принципе. Алкоголя в моей жизни всегда было очень мало, даже в студенчестве.

Вадим сел напротив. У него тут все обустроено как будто для вот таких неспешных разговоров вокруг печи. Даже диваны стоят полукругом, чтобы видеть лицо собеседника.

– Паспорт свой дай, – он внимательно посмотрел мне в глаза.

Ха!

Он что, меня боится что ли? Или не поверил, что меня зовут Соней? Я нервно выдрала документ в белой обложке из недр сумки. Встала, подала ему. Не удержалась от ехидной улыбки:

– Вы что, боитесь, что я у вас тут что-нибудь украду?

– Нет.

Его взгляд был спокоен.

Да и сам он весь излучал сейчас только силу и уверенность. Никакой агрессии. Даже вождение в нем сейчас полыхало уже не так ярко. Я поймала себя на том, что откровенно пялюсь на его пах.

Интересно, у него там все успокоилось уже? Или до сих пор стоит?

Тихий смешок обжег слух.

Вот же черт!

Я ярко-ярко покраснела. Попалась. Он заметил мой взгляд. Ну, точно как девственница!

– Может, вам еще и телефон отдать? – мне срочно нужно было сбить его внимание. Замаскировать свое смущение.

– Телефон можешь оставить себе. Здесь все равно связи нет.

– Да я заметила.

– Хотела кому-то позвонить? Тебя кто-то будет искать? – в синих глазах играли отблески огня из печи.

– Конечно! – я даже кивнула. – Если меня потеряют, будут искать.

– Кто?

– Жених, – я сглотнула. Сцепила пальцы на коленках. Да соберись ты, Соня! Ври убедительнее про жениха! – Я же вам говорила. Да и с работы тоже.

– Ясно, – насмешливо отозвался он. Опять не вышло, да? – А вот по поводу украсть... Украду у тебя, скорее всего, я, Маслова Софья Борисовна.

– Что украдете?

– Ну как что, – он отложил мой паспорт рядом на диван. – Что можно украсть у такой милой и непорочной девушки? Честь, конечно.

– Я не буду с вами спать! – я вскочила. – И прекратите постоянно намекать на секс! И то, что вы сделали на кухне...

– Сюда подошла.

Спокойный приказ ударил как пощечина.

Я даже присела от неожиданности. И шагнула к нему на полусогнутых.

– На колени.

– Вы совсем? – я захлебнулась возмущением.

Его пальцы оплели мое запястье за мгновение.

И дернули вперед.

От рывка такой силы я почти рухнула на пол, ударилась коленями о деревянный строганный пол, прикрытый плотным ковром.

– Вы негодяй! – я даже не пыталась сдерживать слезы. – Как вы смее?

– Легко, – он отхлебнул из стакана виски.

Обнял мою шею сзади ладонью и притянул к себе.

Секунда на взгляд глаза в глаза. И жесткий поцелуй. Обжигающий виски из его рта заструился между моих зубов внутрь, по языку.

Я задержалась.

Захрипела в его руках. Отчаянно хотелось вдохнуть. Слизистая моментально стала шершавой от крепкого алкоголя.

– Расслабься, кроха, – хрипло выдохнул Вадим мне в губы. – Будешь себя хорошо вести, я не обижу.

– Так нельзя!

– Со мной можно все, – его губы коснулись уголка моего рта. – К тому же, ты должна мне за спасение твоей вкусной попки.

Он ухватил мой свитер свободной рукой. Показывая, что нужно сделать, дернул его наверх.

– Раздевайся, моя пленница.

Глава 4

– Вы маньяк!

Я вскочила на ноги, выкручивая шею из-под его руки. Попыталась отпрыгнуть назад, но Вадим перехватил меня моментально. Схватил за затылок и за бедра, дергая на себя снова.

Вдавил в крепкое тело, обнял сильно, но...

Язык не поворачивался назвать его захват насилующим. Вот нисколько! Скорее сберегающим.

– Печь, кроха, – меня отчетливо стало сзади пригревать, и я это осознала. – Не хочу, чтоб на тебе были ожоги, я люблю гладких девочек.

– Пустите! – я уперлась ему в грудь обеими руками.

Вместо ответа он подхватил меня под бедра, забрасывая на себя как пушинку. Снова упал назад на диван и усадил меня сверху. Раскрытой промежностью прямо на свои бугрящиеся от желания брюки.

– Вадим! – я выгнула спину как дикая кошка, уперлась в него руками, пытаюсь ускользнуть от такого тесного контакта. Соскользнуть с него, отстраниться.

Но меня только еще сильнее прижали.

Заставили мучительно плотно проехать всеми напряженными еще с прошлого поцелуя в кухне местечками по внушительному мужскому стояку. Зашипеть от запредельной чувствительности, которой у меня прежде вроде бы не наблюдалось даже.

– Вкусно стонешь, – широкая лапища обхватила мою шею снова. – Я ж тебе обещал, что кайфанешь. Давай, кроха, чувствуй!

Жаркие губы его накрыли мои.

Захватили в плен, втянули в жадный рот. И я застонала снова, только уже от напора сильного языка. Не выдержала давления, разжала зубы, впуская его в себя.

И тут уже зарычал Вадим.

Запустил пальцы в мои волосы, сжал их у корней кулаком. Заставил меня откинуть голову назад, подставляя ему шею. Я ощущала его руки вокруг своего тела. Его самого, жадного и крепкого под собой. А видела только потолок.

Выгибалась ему навстречу, хватая воздух раскрытым ртом от накатывающего изнутри жара.

Безумие какое-то! Почему я на него так реагирую?

Теплый воздух охватил кожу, когда Вадим резко задрал на мне пуловер снова. А когда его зубы сдавили мой стоящий сосок прямо через тонкое кружево бюстгальтера, я практически взвизгнула.

Острейшая игла удовольствия прошла все тело от промежности и вонзилась в мозг.

– Вадим! – я вцепилась в мощные мужские плечи, сжимая бедрами его под собой.

– Такая чувствительная, да? – он сдвинул тонкую ткань белья и обхватил затвердевший комочек плоти на груди уже без всяких помех.

– Пусти! – выдохнула я, используя последние крошки своего благоразумия.

– Серьезно?

Он повернул мою голову, заставляя посмотреть себе в глаза.

Плавню и мощно толкнулся своими бедрами, удерживая меня на себе именно так, как было нужно. Ему, не мне. Не моей голове. Тело-то меня предало, плавясь в его руках, это я уже понимала.

Чувствовала, что белье уже стало влажным.

Натянулось, врезалось между припухших от возбуждения складочек, начало причинять дискомфорт грубостью отсыревшей материи.

– Ты серьезно хочешь сейчас все прекратить? – я даже не заметила, когда Вадим успел расстегнуть пуговицу на моих джинсах.

Вздернулась в его руках, едва пальцы коснулись кожи на моем животе.

Почти на животе.

А точнее, там, где их быть точно не должно было!

– Тебе же нравится, – он нагло протолкнул их под резинку моих трусиков и прижал к лобку.

Проехался по нему, ныряя ниже. Накрывл подушечками бьющий по нервам током крайне чувствительный бугорок моей женственности.

– Вадим! – я изо всех сил зажмурилась.

Кошмар!

Какой кошмар! Мне нужно встать немедленно! Прекратить это все, мы же едва знакомы, Боже!

Но его пальцы вдруг начали движение.

Плавно, терзающе. Закружили именно так, где мне больше всего сейчас хотелось. Заставили меня увидеть перед собой не мужественное лицо Вадима и не чисто обработанные бревна потолка.

Искры.

Фейерверки в крошечной тьме. В глазах было так темно и так ослепительно ярко от нервных импульсов по всему телу, что я будто ослепла. Год. Целый год у меня не было мужчины.

Не иметь секса в двадцать пять – почти преступление.

Но так сложилось. Поэтому такая реакция на все, что делал со мной этот невыносимый грубиян. Только поэтому! Я не могу его по-настоящему хотеть, просто не могу! Это неправильно!

Его пальцы скользнули дальше, и я почти заскулила. Заюлила попкой по его коленям.

– Иди плотнее, – он обхватил мои ягодицы, придвигая к себе опять ближе.

Два пальца проникли в меня по водопаду смазки.

Раздвинулись внутри, растягивая мышцы. Поступательные движения заставили мышцы на животе сокращаться в такт. Добавили пламени внутрь. Даже если я безумно хотела, я бы встать с него не могла, ноги просто отказывались слушаться.

Организм бунтовал, требуя от меня этой бесстыдной и неправильной во всей своей грешности разрядки. И отозвался ею практически сразу же, едва Вадим снова закружил большим пальцем на средоточии моего удовольствия.

Ухватить оргазм я не успела.

Не поняла, что он вот-вот. Он обрушился неожиданно и с такой силой, что я почти завыла. Ощутила дикий поцелуй, выпивающий мои стоны. Затряслась, забилась от судорог в мужских руках, закричала Вадиму в рот от непередаваемого, почти животного удовольствия.

– Вот и молодец, – он прижался вспотевшим лбом к моему виску, давая отдышаться. – Только давай вот щас без мук совести, ладно? А то знаю я...

– Что знаешь? – я еще досматривала свои звездочки под веками.

– Я не такая, это насилие, – он передразнил женский тонкий голос.

– Но я, правда...

– Ну, конечно, – он сжал мою талию железными пальцами. – Только какие у тебя были шансы против меня и виски?

– Это что, забота о моем психологическом комфорте? – мне стало вдруг зло.

– Хах! О своем! Нахрена мне в доме телочка, клюющая себе и мне заодно мозг?

– Ты просто гад, – простонала я, оседая буквально без сил.

Вадим тихо и бархатисто засмеялся.

По большому телу подо мной будто приятная вибрация раскатилась.

– Я в курсе. Зато расслабилась, верно? – мне показалось, что он вдруг коснулся моих волос легким поцелуем. – Теперь можно перейти к той части, где ты со мной считаешься за спасение, согласна?

Глава 5. Буран

Огня в печи уже не было. Потух за ночь.

Ныла шея, затекшая от сна в неудобной позе. Накрыв ее ладонью, я жестко размял мышцы. Твою мать... Старость подкрадывается незаметно, что ли? Или это после зоны так на меня действует хоть какой-то мало-мальский комфорт?

В глотке скопилась какая-то дрянь, пришлось ее откашлять.

Растягивая плечи, я сел на диване. За стенкой весело что-то гомонили девчонки. Доле-тали даже отдельные смешки. Больше Марийкины, но голос крохи я слышал тоже. Меня же не глючит, это она?

Она...

Губы сами разъехались в улыбке, и я снова откинулся на спинку дивана. Девчонка – пожар. Жгучая смесь нежности и дерзости, заводит нереально. Я завалил голову назад, прикрыл глаза.

Успел. Я успел.

Забрал Машу, увез, спрятал.

Вовремя откинулся, очень вовремя. И хорошо, что сразу поехал домой, а не загулял, как планировал изначально. Если бы задержался... Марийку тоже бы...

Я с тихим стоном сжал пальцы в кулаки. До побелевшей кожи. До натянутости всех жил, до боли в них. И все равно я не успел! Не успел! Не смог спасти всех, кого нужно было. Теперь только Маша у меня есть. И ее я обязан сберечь, это мой долг. А всех остальных, виновных – в расход.

Пощады не будет ни для кого, память у меня отличная.

– Вот, держи! – я вышел на кухню как раз в тот момент, когда кроха вилкой столкнула на тарелку Маши оладушек. – Ой!

– Доброе утро, – ее моментально покрасневшие щечки заставили меня улыбнуться. И вспомнить все ночное в красках.

– Привет! Дядь Вадь, будешь? – Маша тут же подхватила свою тарелку и развернулась ко мне. – Соня оладьи делает!

– Мы нашли в шкафу муку и немного масла в бутылке. Только яиц нет, разваливаются. Но я на извинительные объяснения крохи уже не обратил внимания.

Маша!

– И сахара нет, – она нахмурила бровки. – Не сладко, но все равно вкусно.

– Да ты ж моя, – я забрал у нее тарелку и сдернул со стула.

Схватил на руки, прижал к себе, вдыхая запах ребенка полной грудью. Обнял свое маленькое сокровище, втиснул в себя. Под веками зажгло от непонятных чувств, защищало гадко.

Едко.

До такой степени, что захотелось завывать. Зубами заскрежетать от злости и ненависти.

Заговорила! Молчала ведь уже два дня! Никак ее растормошить не мог, ничего она не хотела.

А сейчас оттаивать начала. Даже с крохой познакомилась, пошла на контакт. Даже по имени ее стала звать! Если б верил, я бы прямо сейчас в небо проорал благодарность какому-нибудь божеству.

Да только к ним никто из моих близких не обращался никогда.

Сами выгребали как-то. Этим и я займусь сейчас. Даже сидя вот тут, в лесу, вдали от людей, мне некогда прохлаждаться.

– Спасибо, Марийк, – я погладил ее по голове, не отпуская. Даже волосы расчесала ей кроха, надо же. Косичек каких-то девчачьих наплели. – Кушай сама, мне выйти надо.

– А зачем? – такие знакомые голубые глаза смотрели предельно серьезно. Не по-детски. – Там холодно.

– Так я за дровами. Раз холодно, то нужно печь топить, да, же? Я же не могу своих девочек заморозить.

Соня сразу же отвернулась от нас.

Начала наливать на сковороду очередную порцию пустого теста. Вот гадство... В доме же нет ни хрена! Ничего, что могло бы быстро испортиться, я сюда не привозил. Ни я, ни он.

Этот дом был специально построен так, что о нем знали только три человека.

Теперь уже всего два.

Полностью автономный, обустроенный так, что даже приползи сюда раненым и без сил, ты будешь жить тут как минимум в тепле. Отлежишься. Батареями, установленными на крыше легко управлять с пульта, от них же работает и насос скважины в подвале.

А вот с харчем все грустнее.

Я усадил Марийку снова за стол. Подмигнул крохе, опять вызывая на ее щеки румянец, и ушел в прихожую. Оделся, вышел на улицу. Ветер сразу же посек кожу острыми иглами ледяных снежинок. Захотелось обратно, в тепло.

Туда, где приободрившийся ребенок спокойно ест, а женщина, так вкусно кончавшая на моих пальцах, краснеет и отводит взгляд. На сердце заскребло тоской.

Когда-то я подобное считал ненужным, неважным. Семья, быт...

Кому оно было нахер нужно тогда?

Я злобно, сквозь зубы, сплюнул в ближайший сугроб. Нахрен мысли! Подхватил лопату, висевшую на гвоздях прямо на стене дома. Дал мышцам разогреться, раскапывая пикап. Ехать куда-то сейчас нет смысла, метет сильно. Даже вчерашней колеи между деревьев уже не видать. Но размяться и выплеснуть напряжение надо очень. Это крохе хорошо, она вчера кончила.

А я вот нет.

Даже не смотря на то, что она была вся горячая и готовая, я не настолько урод, чтоб натягивать девчонку на член против ее воли. Мне одной Марийки с замороженной головой хватает пока.

Спутниковый телефон в бардачке был ледяным на ощупь.

Твою мать, надо было занести в тепло! Я согрел батарею в ладонях, включил аппарат. Набрал номер по памяти и услышал греющие душу гудки.

– Это я. Как все?

– Да пока тихо, – мой человек в городе отозвался быстро и без капли удивления. Он звонка всегда ждал, даже пока я чалился за колючкой. – Работаем, как ты приказал.

– Понял, – я потер отросшую на подбородке щетину пальцами. – Пробей-ка мне девочку одну. Маслова София Борисовна, двухтысячного года рождения.

– Кто такая?

– Так это ты мне скажи, – хмыкнул я в трубку.

– Понял. Буран, тут, конечно, пока все стихло, но ты аккуратнее, ладно?

– Добро, мой заботливый товарищ, – захмывать захотелось еще сильнее.

Прощаться не стали ни он, ни я. Не в привычке, все важное сказано.

Я постучал замолкшим аппаратом по ладони. Холодно, твою мать, как! Надо искать жрачку, Машу нужно кормить. И кормить надо мясом, а не бутербродами и блинами всякими.

Мой косяк, что подготовить дом не успели, да кто ж знал, что вот так все выйдет? Чувствовать себя загнанным в угол зверем мне не нравилось. Был бы один – я бы показал клыки этим гадам сразу же.

Но я не один, это ограничивает.

Вывалившись из салона, я открыл крышку багажника. Размотал брезент, достал из него новенькую винтовку. Хорошая игрушка, а, главное, не на меня оформлена. Такой же новенький Макаров пришлось засунуть под ремень и почти запрыгать на месте.

Ух-х, мля...

Холодный металл просто обжигал кожу, продирал до костей. Да твою же, я сейчас тут сальсу изображу какую-нить нахер экспромтом! Стиснув зубы, пришлось постоять и перетерпеть. Вспомнить жаркое тело крохи. Горячую влагу, в которую вчера до смерти хотелось окунуться и забыться. Согреться в податливом и ласковом женском теле.

Штормит тебя, Буран, шторми-ит...

Лишь бы не сорвало с голодухи, лишь бы...

Загрузив в карманы куртки патроны и телефон, я снова закрыл машину по привычке и пошел в дом. Убрал лопату, грохнув ею по стене случайно. И распахнул дверь, шагая в теплое нутро дома. Чтобы сразу же наткнуться на испуганную кроху, распластавшуюся по стене и с ужасом смотрящую на винтовку:

– Пожалуйста, не убивай!

Глава 6

– Соня, а дядя Вадя вернется?

Я посмотрела в голубые глазенки и покрепче прижала девочку к себе. Укрыла ее плечи толстым пледом, в который мы обе кутались, сидя на ее кровати.

Не для тепла. Для призрачного чувства безопасности.

Остаться одним в пустом большом доме посреди снежного леса было жутко.

– Конечно, вернется, Маш. Обязательно вернется.

– А если он заблудится? – рассудительности ей было не занимать. – Вон, смотри, как темно на улице уже.

Я посмотрела.

За окном действительно стремительно темнело, а метель даже не думала будто успокаиваться. И мне тоже было до безумия страшно. Черт, мне даже на ужине с ворами в блатном ресторане, куда я однажды по работе пробралась официанткой, не так было страшно! Но я же не могу сказать об этом Маше, верно?

Не могу.

Так что я только еще плотнее укрыла нас обеих.

Вернется он. Не может не вернуться.

С Вадимом было страшно. Но без него – еще сильнее. Вчера я думала, что он меня возьмет силой. Особенно после его слов про расплату за спасение. Но он потребовал от меня того, о чем говорил там, на трассе. Смотреть за Машей, пока его нет. Готовить ей еду.

Как будто я бы так этого не сделала!

Я же понимаю, что мы все трое сейчас заперты в этом страшном лесу.

Снега столько намело, что я уже сомневаюсь, что пикап Вадима проберется сквозь него обратно. А сейчас он вообще ушел. Испугал меня опять до чертиков своим ружьем и перекошенным лицом, что я даже не сразу поверила, что он просто на охоту собрался. Не знаю, что в моей голове возникло, но вид у него был такой, что я на самом деле подумала о смерти.

Непростой он человек, непростой.

И жутко нелогичный.

Я медленно придавила кончиками зубов нижнюю губу до боли.

– Маша, а дядя Вадим тебе кто? – расспрашивать ребенка было стыдно, но куда деваться?

– Дядя, – она покосилась на меня как на непонятливую. – Дядя Вадя.

– Ага.

Та-ак...

Понятнее особо не стало.

Может, она его просто дядей зовет, как все дети взрослых мужчин. Хотя, похожи же. Может, действительно, родственник. Относится он к ней очень нежно, я бы даже сказала, что как к собственному ребенку.

– Он уезжал куда-то, – вдруг начала говорить Маша, нахохлившись и прижавшись к моему боку под пледом. – Надо-олго. Мы с мамой ему всегда подарки отправляли. На почте, знаешь? Такие коробочки синие. Больши-ие!

Я кивнула.

Знаю.

– А что вы ему отправляли? Что он любит?

– Мама говорила, что он всегда очень хочет конфет. Я даже ему на свои деньги покупала свои любимые, мне мама давала. В кошельке таком красивом, он дома остался. И еще сигареты, но мама их сама покупала. Мне еще нельзя такое покупать, я маленькая.

Марийка тяжело вздохнула, а у меня внутри вдруг шелкнуло.

Конфеты, сигареты? Он что, на вахте какой-то был?

– А еще колбасу! Вкусную такую, ее можно было грызть! А потом он приехал, а мама уехала. Ну, это дядя Вадя так сказал.

– А куда мама уехала?

Маша молча отвернулась.

Опустила голову, не стала отвечать. Стало так неловко, будто я задела что-то очень болезненное для нее. Захотелось застонать от разочарования. Ничерта не понимаю, ничерта! Ну, не ездят матери девочек, одетых в брендовые вещи, на вахту тоже!

Но спрашивать у нее больше вообще ничего не буду.

Ребенок не источник получения информации, у меня тоже есть принципы, кто бы что ни говорил и как бы ни считал.

– Он добрый, – Маша вдруг шмыгнула носом. – И мама добрая и хорошая. Она его очень любила, всегда фотографии рассматривала. И даже плакала, я видела.

Я медленно прикрыла веки.

Так, может, Маша дочь Вадима? Настоящая?

Если ее мама его очень любила и ждала. И они похожи жутко. Неужели он отобрал ребенка у своей бывшей? Точно, похитил! И спрятался с ней здесь, где никто не найдет.

Мамочки, во что же я ввязалась...

Стало еще страшнее. И за себя, и за Марийку.

А что я могу? Нам с ней отсюда не убежать! Снега по пояс! Я, может быть, и пройду, доберусь до дороги, чтоб поймать попутку. А ребенка как? На себе не донесу, она уже не маленькая.

Паника забулькала в душе противными болотными пузырями.

Не выбраться нам с ней. Без Вадима не выбраться. Мы пленницы, он точно тогда сказал.

На сердце противно заскребло. Да не мог он так поступить! А как мог? Маша хорошо и дорого одета, ухоженный ребенок, чистый, домашний. Для нее эта одежда привычна, она не новая. Так что вариант с неблагополучной матерью, у которой можно забрать дитя, отмечаем сразу, она по ней скучает, это видно. Остается только похищение...

Не будь ее рядом, я бы сейчас воткнулась лбом в собственные ладони.

Не-ет, Вадим не мог. Не такой он. Не такой! Не знаю, не могла я объяснить, но не производил он впечатление ублюдка. Если бы он им был, он бы вчера не остановился. В груди гулко и часто колотилось. У него была женщина, которая его любила. Возможно, и сейчас любит. Такого грубияна и хама сложно не полюбить.

Я усмехнулась.

Женщины любят таких красивых засранцев вопреки всем доводам логики и разума. Так уж мы устроены.

Пока я размышляла, Маша в моих объятиях стала расслабляться. Я осторожно уложила ее головушку себе на руку, подняла ножки повыше, опуская тельце на кровать.

Вот так, моя девочка, спи.

Я не знаю, что у вас двоих приключилось, но я точно знаю, что не оставляю тебя. Больше всего на свете хочу вернуться домой, но не сделаю этого, пока не разберусь со всем. Видимо, судьба так распорядилась, чтобы я смогла тебе помочь.

В доме было тепло.

Как он обогревался, я до сих пор не поняла. Да уже и не хотела, и так вопросов выше крыши! Сейчас налью себе горячего чая и хоть немного подумаю. По стене дома что-то застучало.

Вадим?!

Я бросилась в прихожую. Боже, пусть это будет он!

Тяжелая входная дверь распахнулась, впуская огромные клубы морозного воздуха, но на пороге стоял не Вадим. Здоровенное заснеженное лесное чудовище в мехах.

– Охренеть. Давно я таких соблазнительных самоубийц не встречал.

Глава 7. Вадим

Твердая голова глухаря била по ноге, а мне хотелось материться.

Одна птица!

Одна! И то случайно под выстрел подвернулась, взлетела прямо из-под ног. Я зло сплюнул по привычке. Совсем навык потерял, совсем одичал, сидя за решеткой. Два года коту под хвост. Думал, удержусь, сохраню себя.

Я же сильный.

Я же Буран.

Это же я. Я! Но зона ломает всех. Даже вот так, исподволь, исподтишка. Незаметно для самого человека меняет его мышление, заставляет смотреть на мир совершенно иначе. Мне захотелось оскалиться от злости.

Только зря они надеялись на то, что я тоже сломаюсь.

Я вернусь. Все уже заряжено и работает.

Когда я понял, что меня убирали намеренно, то сопротивляться этому перестал. Наоборот, стал остервенело наблюдать, как закручивается все вокруг. Хотелось довести до конца, посмотреть, кто стоит за всем этим бардаком. Кто стоит за смертью отца на самом деле. Кому так сильно захотелось оттяпать миллионы долларов, лежавшие на наших счетах.

А когда дошло, что игра уже слишком затянулось, прошло уже два года.

Свою свободу я забрал, но... Горькая она вышла, свобода. Если бы я знал, что мое освобождение потащит за собой другие смерти, я бы лучше вертухая завалил прямо за колючкой и еще остался посидеть. Придумал другой вариант.

Да только поздно уже.

И вообще, хватит страдать херней. Все идет как надо, уже совсем скоро все вернется на круги своя. Я ускорился, светлые окна дома уже показались между сосен. Там – они. Моя Марийка и моя кроха. Моя вкусно и жадно кончающая кроха.

Член в штанах нервно дернулся.

Хочу-у...

Хочу ее. Когда эта маленькая попка сидела на мне, я готов был поверить во вселенское счастье. В то, что его кусочек отсыпали и мне. После стольких потерь... Согреюсь возле женского тела, окунуться в ее горячую лаву смазки. Так, чтобы она не по пальцам моим стекала, а по члену.

Чтобы эта крошка пульсировала на нем, сжимала меня крепче.

Винтовка чуть съехала по плечу, пришлось поправить ремень. Не уверен, что если бы вместо нее оказалась любая другая, мои мысли бы изменились. Какая разница, какую трахать?

У всех все одинаковое.

Но мне повезло, девчонка попалась сладенькая. Отзывчивая, чувствительная. И будто голодная как я сам. Шагать стало сложнее, в паху разлилось прочно знакомое нытье, и я улыбнулся еще шире. Буду трахать ее всю ночь напролет сегодня.

Потому что хочу. Потому что могу.

Проблем с сопротивлением не возникнет, малышка горячая как надо. В конце концов, я же ее действительно спас, а в этом мире за все приходится рано и поздно платить. Я подкатился к дому, чертыхнулся на снова заметенный снегом порог. Сдернул с ног охотничьи короткие и широкие лыжи, воткнул их в сугроб рядом. Обхлопал плечи, стряхивая снег, и вошел.

Дом...

В грудь будто толкнули.

Не теплым воздухом, не запахом жилья. Тревогой. Я с порога видел только половину дверного проема в гостиную. И там, на стуле, была видна часть тела крохи.

Самая вкусная часть, попка и бедро.

Вот только...

Я мягко-мягко и тихо шагнул вперед, одновременно вытягивая Макаров из-под пояса. Лицо Сони было залито слезами. Мокрые пухлые губки прыгали, дрожали заметно. Она меня слышала, я знал. Но не оборачивалась почему-то, смотрела в сторону. На того, кого от меня пока закрывали стены.

Большой палец с тихим хрустом оттянул боек на пистолете.

Значит, добрались и сюда...

– Ты ствол-то убери, Вадик, – надсадно и хрипло донеслось до моих ушей. – Выстрелишь, плохо будет, ни к чему это.

Глотку перехватило мимолетным облегчением.

Мимолетным, потому что я понял, что Соне ничто не угрожает. Лесник ее не убьет, Машу – тем более. Но его приход и хорошего ничего не несет.

Не любили мы друг друга никогда.

– Здорово, – ни винтовку, ни ствол я из рук не выпустил все равно. Сука какая, а... Я ведь даже не заметил его следов вокруг дома. Спермотоксикоз отрубил наблюдательность начисто.

– Здоровей видали, – родной дядька, младший брат отца выступил из гостиной.

Ненамного-то он меня и старше, поэтому мы и не дружили. Мало ему было от меня уважения. Суровый взгляд прошелся по мне с ног до головы. И я в долгу не остался, не видел его давно. От звонкого хлопка наших ладоней в качестве ритуала Соня вздрогнула. Милое зареванное личико еще больше скривилось от испуга.

– Маша где?

– Спит, – прошептала она одними губами.

– Ты и Марийку сюда припер? – Лесник обернулся ко мне. – Ты debil?

– Так надо, – я отставил винтовку к стене и отвязал глухаря от пояса.

– А это что за телочка у тебя? Молчаливая, жуть.

– Домоправительница временная, – хмыкнул я. – По дороге подобрал, не смог удержаться.

– Грехи замаливаешь приступами невиданной доброты?

– Как и ты, – я знал, что Лесника такой ответ взбесит. – Кроха, птичку ощидай, жрать надо готовить.

Она поднялась со стула, но не подошла.

Остановилась на пороге гостиной, вся дрожа. Заломила тонкие пальчики неестественно.

– Вадим, я не умею...

– По тебе и видно, – вдруг заржал Лесник, внимательно ее разглядывая. – Небось, только рогатку и умеешь раздвигать? Иначе нахрена ты тут еще?

Соня закрыла ладошками лицо. Худенькие плечики под свитером затряслись еще сильнее. И капли слез, стекшие по запястьям, заставили меня раздраженно выдохнуть.

– Лесник, закройся, – я оттолкнул его плечом, шагая к крохе.

Прикрыл от него своим телом, давая свободное пространство. Не надо смотреть на мою женщину. И уж тем более, цеплять. Ответка может прилететь, всякое случается...

– К Маше в комнату шагай и сиди там, пока не позову.

Девушка бросилась по коридору дома, будто только и ждала моего разрешения исчезнуть. А я только цыкнул сквозь зубы. Все планы на горячую ночь пошли по одному месту.

Забросив глухаря в раковину на кухне, я воткнул чайник в сеть.

Сейчас ошпарю, ощипаю. Желудок просто закручивался в узел с голодухи, да и девчонки явно голодные. Спаситель, мать его... Даже накормить их не могу нормально.

– Нахера ты приехал сюда, Буран? – Лесник остановился на пороге кухни и привалился плечом к дверному косяку. – Ты же знаешь, что тебе здесь не рады.

Глава 8. Буран

Птичья нога сочно хрустнула под пальцами.

Переломилась. А жесткую шкурку я перерезал уже охотничьим ножом. Не торопясь отвечать на предьяву дядьки, повторил то же самое со второй ногой глухаря.

Отрезал голову с черным густым хохолком и бородкой, слил капли крови в раковину.

Выбросил все в мусорное ведро, ухмыльнувшись на заботливо постеленный в него пакет из-под колбасы. Кроха постаралась утром, хозяйюшка... Отрабатывает спасенную попку, умничка какая, старается.

– Я твоего расположения никогда не искал, ты в курсе, – я глянул на ждущего ответа Лесника. – Реально считаешь, что я должен тебе что-то объяснять? Ничего не перепутал?

– Почему ты с Марийкой? Где Наташа?

Я осторожно вдохнул сквозь зубы.

Картина, которую я увидел, когда тем утром приехал к сестре, никогда уже из памяти не сотрется. Это моя боль до самой смерти. Моя вина.

– Наташи больше нет.

Лесник понял все сразу. Он же тоже не дурак, он прекрасно все понимает. Он наблюдал все, что происходило с нашей семьей, хоть и не встречал особо. Его деньги кампании, большая их часть, никогда не интересовала.

Дивиденды от того, что они когда-то поделили с отцом, позволяли ему спокойно жить отшельником в лесу.

Какой в этом он находил кайф, я никогда не стремился понять.

Но он – часть моей семьи. А у меня ее и так осталось слишком мало. Что имеем, не храним. Потерявши... В сердце опять закололо душевной болью.

– Кто?

– Я ищу, Лесник, – я залил глухаря кипящей водой, отклоняясь от рванувшегося вверх пара. В кухне сразу же запахло обваренной шкурой и влажным прелым пером.

– Ты и убийц Андрюхи искал так же херово! Теперь Наташа! Дальше кто, ты? Я? Или Марийка?

– Ты если хочешь предложить свою помощь по-родственному, я не откажусь. Когда отца убили, ты даже не дернулся со своей заимки. Так что теперь не ори, понял? Не тебе меня обвинять.

Я со злостью стряхнул с птицы кипяток.

Подтащил ногой к себе стул, сел на него и стал выдирать крепкие перья. Нет, крошка бы с этим чудовищем не справилась бы точно. Хороший экземпляр, отъелся, видать, ягоды много было этой осенью.

– Твою мать, – Лесник шагнул, наконец, в кухню.

Тоже сел, уперся локтями в обеденный стол. Обхватил лоб под седеющим ежиком волос крупными ладонями.

Осознавал.

– Наташка-а...

Мужские стоны – вещь страшная. Перья из глухаря выдирались вместе с кожей.

Жестко. Злобно. С кровью.

– Как ее убили?

– Два пулевых в грудь.

– Марийка видела?

– Нет. Я приехал рано, она лежала в прихожей на полу. Я Марийку сгреб в одеяло и унес. Сказал, что мама уехала.

– Твою же ма-ать...

Злило все. То, что он наехал сразу сходу. Воспоминания о сестре. Но больше всего то, что я реально накосячил. Ладно, отец, тогда никто не мог предположить, что его уберут за бабки, это случилось внезапно. Но Наташу... Как я не предположил, что ее тоже могут убрать?

Надеялся, что все силы сконцентрируют только на мне.

Она фактически была просто временным распорядителем в делах, ее-то за что?

– С кем ты щас работаешь?

– С теми же, с кем и прежде, – я пожал плечами. – Плюс Рам подключился. Его территория, да и мы в хороших отношениях всегда были.

– Рам? Это Рамазан, что ли? – Лесник поморщился.

Я кивнул, продолжая ощипывать птицу.

Монотонные движения успокаивали. Сколько времени пройдет, пока я войду в норму? Как говорят менты: пройду успешную социализацию к обществу после отсидки.

– Он же неадекват, – Лесник подхватил упавшее перо и покрутил его в пальцах. – Стоит ли связываться с кавказцами?

– Так помогай ты, я ж не отказываюсь, – пожал я плечами. – Хватит жопу просиживать.

– А эта телка кто? – дядька сделал вид, что замечание его не касается. – Когда ты успел шлюшку подцепить, да еще и к Марийке ее подпустил?

Я распрямился на стуле.

Посмотрел на Лесника с вполне определенным смыслом:

– Тебя это волновать не должно, понятно? Это моя девочка.

– Буран, где ты ее взял? – Лесник вдруг нахмурился.

– Я сказал – даже не смотри в ее сторону.

– А тебе не приходила мысль, что к тебе сейчас могут прицепить кого-то, ревнивец? Вдруг именно ее? Это же шикарный вариант.

Я ухмыльнулся.

Шикарный, да. Она просто бомба. Но он ничего про кроху он не узнает. Не от меня точно. А раз задает вопросы, значит, она сама ему тоже ничего рассказать не успела.

И что за вообще дикое предположение?

– Ты пересидел в лесу, дядя, – подковырнул я его обращением. – Чтобы подложить мне телку, нужно, как минимум, знать определенные места, где я могу находиться. А их не знал никто. Ну, кроме тебя.

Лесник оскалился.

Что, не нравятся такие намеки?

Вот и нехер мне тут всякую срань собирать.

– Ты вообще чего притащился? – я встал, взял нож и стал вскрывать глухаря прямо на столе.

– Охранка сработала, что в доме кто-то есть. Подумал на тебя, но снегоход на всякий оставил подальше.

Я кивнул.

Ну, да. Поэтому я следов и не заметил. Этот дом и заимка Лесника были связаны. Сигнал на открытую дверь прошел, вот он и примчался проверять. Домосед, млять. Сторож. Настолько отгораживался от дел семьи, что я про него напрочь забыл.

– Я бы на твоём месте от девки избавился, – взгляд Лесника буравил меня из-под бровей.

– И как же? Предлагаешь завалить? – хмыкнул я, ломая глухарю хребет руками.

– Если она подставная, то...

Он поджал губы, давая понять, что вообще не против такого варианта.

Вот только против был я.

– Завали, понял? – я воткнул нож прямо в птичью тушу. Посмотрел на него внимательно, так, чтобы дошло с одного раза. – Ты настолько стал всего ссать в своем лесу, что готов подозревать всех и каждого. Я не хуже тебя понимаю, что грозит Марийке. И уж поверь, я наизнанку вывернусь, но она будет в безопасности.

– Угу, угу, – он постучал ногтями по столу. – Значит, я ссу...

– Тебе пора, дя-дя.

– Ладно, – он поднялся. – Когда-то Андрюха так же упирался, когда я его предупреждал. А потом сыграл в ящик.

– Отца не трогай! – мне уже хотелось рычать. – Не вынуждай нахер!

– А то что?

Лесник грузно поднялся со стула.

Расправил такие же широкие, как у меня плечи. Жутко похожий на отца, но так и не ставший мне другом. Один из двух людей, моих родных и оставшихся в живых.

– Отдай ее мне, Вадим. Ты сам понимаешь цену всему. А я, – он оскалился. – Проверю ее нежно.

Глава 9

Синий рассвет постепенно заливал комнату.

Ноги уже затекли, но двигаться совершенно не хотелось. Было жутко. Укрыв ступни краешком Машиного пледа, я сидела в изножье ее кровати и смотрела в окно.

И спать ведь не могу. Страх не дает.

Жуткий мужчина, который явился буквально за полчаса до Вадима, испугал меня до чертиков. Пытался выпрашивать, кто я и что делаю в доме, но я от страха будто онемела.

И сейчас не слышу отсюда ничего!

Что они там делают? Я скосила глаза на покрывало.

Бесполезным кирпичом рядом лежал телефон.

Нет связи. Нет надежды выбраться. Начальству не позвонить, не предупредить никак. И о помощи тоже не попросить, полная изоляция, от которой хотелось плакать. Точнее, от собственной беспомощности. В таком положении я оказалась впервые в жизни.

Я поджала губы с обидой.

Все сорвалось.

Материала вовремя не будет. Лучшая криминальная журналистка с отдельной колонкой на второй странице газеты оказалась в такой ситуации, что хоть вой. И, похоже, в самой что ни на есть криминальной, кстати. В одном доме с маленькой девочкой, с ее предполагаемым похитителем и еще с каким-то мужиком.

И ведь деньги есть!

Обычно все упиралось в них, но сейчас все было иначе. Когда шеф предложил мне это дело, я чуть в ладошки не захлопала. Оплата всего! Номер на крутом горнолыжном курорте, дорога, средства на расходы. Всего-то нужно было найти одного зэка, попытаться подкатить, пообщаться аккуратно. Пособирать инфу, которую от меня хотели получить, сделать несколько фото.

Недавно освободившиеся мужчины все вели себя одинаково. Имея смазливое личико подойти к ним проблемы не составляло.

Это была бы бомба! С моим-то нюхом!

Я не сомневалась, что у меня получится. Делать заказные статьи я научилась давно, за них хорошо платили. А совесть... Ну, тех, кто больше всего кричал про совесть и нравственность, я периодически видела в таких местах, откуда грехи уже никакой святой водой не отмыть.

Жить на что-то было надо. Богатых родителей у меня не было, вообще никаких не было, я с бабушкой выросла. Удалось поступить на журфак после школы – и я была рада этому. Журналистские расследования, вот что меня привлекало всегда.

Я всегда любила думать.

А сейчас вот думаю, эти двое, на кухне, что если они меня вдвоем...

«Домоправительница временная». Слова Вадима резанули по живому. Я спустила ноги с кровати и наклонилась вперед. Уперлась кулаками в край постели, закачалась как маятник.

Да нет, логично все.

Что он еще мог сказать?

Но страшно, да. Храбриться не очень получалось.

Может, дверь стулом подпереть? Я с сомнением посмотрела на нее. А смысл? Что Вадим, что этот гость такого телосложения, что они ее выбьют с ноги. Только Машу перепугаю. Я посмотрела на нее и улыбнулась невольно. Девочка смешно сопела, подперев щечку кулачком.

– Кроха.

– Ай! – я подскочила с кровати, оборачиваясь.

– Пойдем, – как Вадим открыл дверь, не издав ни единого звука, я не поняла.

– Куда? – по затекшим ногам разбежались противные иголочки.

– И-дем.

Я со страхом оглянулась на Машу. Разбудит же своим рыком, грубиян!

Вадим смотрел требовательно. Не просто позвал и ушел, он стоял и ждал, пока я выйду из спальни. Мамочки...

– Зачем я тебе? – я подошла к двери на деревянных ногах.

– Кормить буду, – сильные пальцы оплели мое запястье и практически выдернули из комнаты.

– А твой друг...

– Он мне не друг. И он ушел.

Дальше я хотя бы не спотыкалась.

Поверила ему сразу. Пошла за ним послушно, потому что выдернуть руку из его захвата было нереально. И едва мы вышли из коридора, потянула носом аромат.

Пахло... Вкусно!

– Доставай ложки, – приказал Вадим, снимая в свою очередь тарелки с сушилки в шкафу.

Я растеряннo оглядела стол.

Хлеб, порезанный охотничьим ножом. Кусок сливочного масла на тарелке, порезанная на четвертинки луковица. Но откуда? Я всю кухню перерыла днем, ничего этого не было!

– Сядь и ешь, – Вадим поставил передо мной глубокую тарелку с наваристым бульоном и кусками мяса.

На крупных костяшках кулака кожа была содрана.

И сильно.

Запеклась кровь в глубоких ссадинах. Он что, подрался с этим страшным гостем? Вчера его руки были в порядке, я же видела, когда он держал руль.

– Вадим...

– Сядь, сказал.

Он поставил перед собой точно такую же тарелку, сел и взял кусок хлеба. Протянул второй мне. И я сдалась. Да к черту все! Я что, ему подружка или жена, допросы устраивать?

Пахло до безумия аппетитно. Выглядело так же. Жить вторые сутки только на горячем чае...

Слабеть нельзя никак.

Первая же ложка горячего бульона прокатилась по пищеводу животворящей жидкостью. И хлеб я из руки Вадима выдернула уже с жадностью. Зачерпнула снова простой, но такой вкусный супчик.

В меру посоленный, с разваренным красноватым птичьим мясом на белых косточках. С черными горошинками перца на дне тарелки и плавающим обломанным лавровым листом.

Хотелось застонать от удовольствия.

Набивать и набивать рот пушистым, холодным мякишем и запивать его очередной ложкой варева. Обжигаться, но не останавливаться, вычерпывать все до конца.

Так просто. Но так вкусно!

– Ты реально готовить не умеешь, что ли? – Вадим насмешливо наблюдал за мной.

Я очнулась.

Вспомнила резко, что я за столом не одна. И чего он вообще так улыбается? Подумаешь, женщину голодную не видел никогда, что ли?

Стыд породил раздражение.

– Я вам сразу сказала, что я не кухарка.

– Так себе благодарность, – хмыкнул он, расправляя широкие плечи.

– А я не просила меня спасать! Вы могли бы просто уехать.

– На полтона тише, кроха, – Вадим встал, убирая пустую посуду в раковину.

– Прекратите так со мной разговаривать! – я со стуком отложила ложку на стол. – Я не знаю, кто вы, но это не дает вам права так со мной обращаться!

Вадим прищурился.

Шагнул ко мне, нависая сверху как снежная глыба. В серо-синих глазах вспыхнула угроза. Яркой молнией обожгла мне нервы.

И я не выдержала, вскочила тоже.

Вжалась спиной в стену возле стола. Он давил снова. Зажимал большим телом, размазывал меня морально как то самое масло на столе по хлебушку.

– А я смотрю, тебе рот можно закрыть только одним средством, да, кроха? – мужские бедра прижались ко мне плотно-плотно. И там... Снова все оживало, толкалось в меня опять.

Вадим вдруг хищно улыбнулся.

Широкие ладони сжались вокруг моей талии, вминая свитер в тело. Обожгли через него тесным обручем, давая понять, что птичка попалась. Прикусить язык, развязавшийся от страха и злости, я не успела. Провокационный бред сорвался с него без участия мозга.

На беду, на беду, Софья!

– Это вы про свой огрызок, что ли?

Глава 10. Буран

Охренеть!

– Значит, с отсосом у нас проблем не будет, кроха, да? Точно не подавишься...

Меня повело от ее дерзости.

Взбодрило. Вместо крови по венам потекло чистое желание.

Женщины всегда пищали от восторга, если им удавалось влезть в мою постель. Деньги, власть, силу и уверенность в себе любая хищница на шпильках считывала в секунду.

Всего этого до отсидки у меня было в достатке, я не парился. Жил, как хотел. Работа и сделки приносили только удовлетворение. Отличный отдых с красотками после – заряжал.

Принуждать хоть одну заниматься с собой сексом не было нужды.

В этом нет никакого удовольствия.

Но кроха меня довела. Развопилась как сирена ментовская, пропилила мозг зубчатой пилой. Заставила нервные окончания вылезти сквозь кожу. Пальцы будто снова омыло ее смазкой.

Горячей.

Ароматной. Ощущение желающей, просящей удовольствия женщины настолько впилося в мозг, что он отказывался тормозить, когда она вот рядом. Она своими стонами вчерашними и реакцией тела на меня вызвала зависимость с одного оргазма.

Чистого, искреннего, откровенного.

Перед глазами стояла ее высокая грудь, а язык сводило судорогой при воспоминании о твердых, царапающих его сосках.

– Вадим! – ладошки крохи уперлись мне в грудь.

Что, все? Дерзить больше нет охоты?

Я тормознул себя намеренно. Пьянящее возбуждение чуть откатило. Она боится. Ее заливает адреналином. Еще и Лесник, мать его, испугал ее. Я понимал, что трахать ее сейчас – в общем-то, по-свински. Но убрать стресс можно только двумя способами: алкоголем и сексом.

Пить – не хочется.

Смажется все, все впечатления. Пьяный трах – меньшее, чего я сейчас хочу. Остается только обычный секс. Других методов расслабить ее, да и себя, я не знаю.

И не хочу их.

– Вадим, отпусти!

– Не могу, – честно признался я, склоняясь к бьющейся голубоватой жилке на тонкой шее.

Обхватил ее губами, коснулся языком, почувствовал дрожь. Вдохнул аромат женской кожи, запечатывая его себе под ребра. Она как жизнь. Любая женщина – как поток энергии.

Восхитительное существо, ради которого каждый мужик готов свернуть горы.

Но сейчас я не хочу любую. Сейчас я хочу свою крошку.

– Это все неправильно! Не, – Соня изогнулась в моих руках. Глазищи сверкали как у дикой кошки. – Не трогай.

– Не могу, – я вжал ее в себя крепче. Ближе, кроха. Ты нужна мне ближе. – Ты слишком вкусная, знаешь?

– А ты всегда с женщин плату берешь сексом?

Она отклонила голову.

Попыталась избежать тесноты контакта с моим телом, но я сразу же вернул ее на место. Прижался уже стоящим, как кол членом к ее бедру.

Нахрена вот эта болтология сейчас?

Расслабляет ее так, что ли? Ла-адно... Ради таких же стонов, какие я уже слышал от нее, я потерплю и даже готов потрепаться. Пусть язычок разминает, сосать будет мягче.

– В первый раз будет, – я ухмыльнулся, толкая мочку ее ушка носом. Ммм... Какая ты...

– Значит, только мне так повезло?

– Ага, ты у меня избранная. Особенная моя крошка...

В ее теплых карих глазах совсем другие огоньки вспыхнули. Была бы тут рядом печь, я бы не удивился отблескам. Но мы на кухне... А она будто согрелась.

Сжала кулачки вместе, укладывая их на мою грудь.

Расслабилась на секунду, становясь еще гибче. Еще вкуснее, еще желаннее. Внутреннее животное начало хотело сдавить ее. Смять упругое тело, будто врасти в нее. Впитаться в сладкий рот, делаясь дыханием. Кожа, мне нужна твоя кожа, кроха...

Твое тепло...

Я сдернул ее свитерок через голову вместе с футболкой. Обхватил грудь всей ладонью через бюстгалтер, сжал двумя пальцами уже твердый сосочек. Маленькая врушка... Ты же реагируешь, хоть и пищишь против. Соня отдалилась. Уперлась спиной в мою руку позади, развернула плечи в стороны.

Вот так, девочка...

Покажи мне себя. Я так давно не видел красоты. Так давно не чувствовал себя настолько живым. В голову ударил хмель возбуждения. Вскипятил кровь, разнес ее по всем мышцам. Ждать, пока Соня созреет, становилось все сложнее.

– Вадим, – она ловила воздух ртом. Стребла мою футболку на плечах пальцами, упираясь.

– Я понимаю, что я в твоей власти. Только...

– Что – только? – говорить нормально уже не очень-то получалось. Хотелось в нее, во влажный тесный жар.

– Не делай мне больно.

Ах, ты ж... Будто по темечку молотком приласкала.

Заставила моргнуть пару раз, прежде чем смысл ее слов дошел до сознания окончательно.

– Больно?

– Бери силой, если надо, но не делай больно, – она прикрыла веки, почти оседая в моих руках.

Да твою ж ма-ать...

– Ты реально больная? – я подхватил ее, вжимая в стену. Непонятная злость раскроила душу надвое. – Какое, твою мать, силой? Ты знаешь, что бы со мной на зоне сделали за такое?! Гадство.

Какую жесть выдает этот сладкий рот, нихрена себе!

– Ты бывший заключенный? – Соня будто встрепенулась от моих слов. – Правда?

– А тебя это радует? – я не мог оторвать от нее рук. Так и держал стройное тело.

– Ты должен его знать!

– Кого?

– Бурана! Ты точно должен его знать! Он же из этих мест, он должен быть тут где-то! Мне нужно его найти!

О-хре-неть...

С такой силой меня еще никто и никогда не осаживал. Троекратный ахер какой-то. Вжившаяся в душу подозрительность подняла голову шипящей гадюкой.

Только не это, не-ет...

– Ты откуда его знаешь? – мне захотелось снова ее сдавить. Но уже не талию. Шею. – Говори!

– Так он мой жених! Буран мой жених! Я же тебе говорила, что к жениху ехала! – почти радостно выдала кроха.

Нет.

Все, что было до этого – детский лепет.

КТО ее жених?

Глава 11. Буран

– Так ты его знаешь?

Отбросив волосы на спину, кроха прижала ручки к груди. С розовыми от сопротивления мне щеками, с губками этими сладкими. Во взгляде: такой восторг и надежда. А у меня внутри...

Буран у меня везде сейчас.

Она говорила обо мне.

Не знаю, откуда ей известна моя тюремная погремушка, но в виду она имела точно не меня. Какого-то левого чувака. Не соотносила Бурана и меня. Просто попыталась таким образом меня оттолкнуть? Испугать женихом?

Возможно.

Но мне от этого нихера не легче.

Только после этих ее слов я понял, что окончательно не хочу иметь ничего общего со своим прошлым. Я его вытравлю. Закопаю так глубоко, чтобы не вспоминать никогда больше.

Я не буду больше Бураном. Я не хочу, чтобы это прозвище звучало из ее губ.

Я не бывший зэк и не убийца.

Я Буранов Вадим Андреевич, после освобождения – снова генеральный директор инвестиционной компании «Бур-групп». Только так и никак иначе.

– Вадим? – в глазах Сони возник вопрос и... беспокойство.

А я просто развернулся и вышел.

Натянул куртку, ботинки в холле дома. В машине должно быть курево, а сам пикап давно пора прогреть. Лишь бы не видеть ее сейчас. Не могу. Нельзя сорваться, я не могу себе этого позволить.

Слишком она хрупкая. Лучше видеть вот такой восторг в ее глазах, чем боль. А ее причинить легче и проще всего.

Сигарета от трех мощных затяжек нагрелась так, что обожгла губы.

Табачный дым, сбитый морозом, плотным облаком поплыл вверх, а я с остервенением выдохнул. Да твою же мать!

Твою мать!

Яркое солнце только-только поднималось над соснами. Золотило бело-зеленые верхушки, добавляло им красок. Но не грело совсем. Воздух замерзал на вдохе, не проталкиваясь в глотку. Вот ведь чувствовал же!

Чуял какую-то подставу.

Предчувствовал, но отмахивался старательно. Даже Лесника приласкал по роже за те же самые мысли.

Еще будет, еще не закончилось. Смерть Наташи только еще одно звено. Ком проблем только будет нарастать. Я со злостью отбросил недокуренную сигарету в снег и наступил на нее, проваливаясь в рыхлую массу по щиколотку. Но неужели Лесник был прав? Я привалился спиной к гудящей машине и закрыл глаза.

Лесник... Хорошо хоть жрать принес.

Хоть такая польза.

Да твою же мать! Что за хреновня?! Я не хочу, чтобы он был прав, не хочу!

Из глотки вырвался мучительный тихий вой.

Я никогда не мог называть его дядей. Отношения что у них с отцом, что у нас с ним были натянутыми. Они работали вместе, а потом поделили бабки. Лесник оставил свою долю в управлении кампании, забирал только прибыль. Но после того как отец передал управление всеми активами не ему, а мне и сестре – совсем отдалился. Спросить о причинах такого реше-

ния у отца я не успел, его пришлось похоронить. А сейчас вот и Наташу. Из всех у меня остались только Марийка, моя маленькая племяншка, которую я успел выдернуть, сберечь.

И Лесник, ага.

Ах, да! Еще примерно дохера вопросов вместе с невозможностью пока выехать и расхреначить этот мир до самого основания. Мстить я буду жестко...

Я зло сплюнул себе под ноги.

Но главный сейчас вопросец один.

Что делать с крохой и с ее типа женихом? Врет ведь как дышит, глупая. Но вот зачем? Из женского страха передо мной или...

Я достал еще одну сигарету из пачки, снова подкурил, снова затянулся до горечи на языке. Голова пухла.

Слова Лесника о подставе не шли из головы.

Чтобы вот так вовремя на трассе передо мной оказалась совершенно незнакомая мне телочка? Попавшая в беду, милая и привлекательная настолько, чтобы я на нее повелся. И с вопросами про меня самого. Организму на мысли было плевать: член падать не хотел. Стоял, как вкопанный, требовал от меня действий. Ее личико маячило перед глазами, вызывало вполне определенные желания после пары лет воздержания.

А злость бурлила в душе.

Да даже если бы не было этой отсидки, я бы на нее повелся.

Кроха в моем вкусе. Не такая, к каким я привык, но внешне шикарная. И от этого становилось еще хуже.

Подгадывали? Подставляли ее мне реально?

Я рванул на себя дверь пикапа. Достал телефон, отогрел снова. Если мне сейчас не дадут информацию, меня просто порвет.

– Узнал? – я сжал пальцы на руле, остужая сам себя.

– Что конкретно?

– Про девочку!

– Узнал. Телка твоя – журналистка. Сучка мелкая, которая любит нормальным людям портить кровь.

– Подробнее, – у меня заломило зубы.

Журналистка...

Прямо у меня на пути, когда я прятал Машу от тех, кто убил ее мать и мою сестру.

– Криминальную типа колонку ведет в газетенке бульварной. Копает всякое, а потом выдает всякую херню. Как ее не придавили еще, хер знает, есть за что так-то. Ты вообще, почему про нее спросил? Она где-то рядом крутится?

– Что по Наташе? – мне захотелось выматериться от души.

– Похоронили, Буран. Вчера. Все честь по чести, как ты просил. Выползешь из норы, покажем.

– Спасибо, – в сердце опять закололо.

Наташка, сестренка... Не сберег я тебя, не успел.

И Маша. Машу я обязан сохранить, хватит потерь.

– Что по тварям?

– Ищем. Вроде что-то наклеывается, Рамазан хорошую штуку подсказал, проверяем. Как только ты сел, ее многие начали обхаживать. А она у тебя была дама с зубками, всех отшивала и не всегда мягко, сам понимаешь.

– Ищите!

Я сбросил звонок, видя, как открывается дверь дома.

Соня оглянулась вокруг. Увидела, что машина гудит, но меня внутри не заметила, стекла уже обмерзли.

Захотелось зарычать от бешенства.

Подобрал, мать твою, телку. Спаситель херов! Так подставился, что впору в штаны стальную пластину вставлять. Если ее именно на меня нацеливали, то присунуть могут по самое не балуйся. Одна винтовка и ствол проблему не решат никак, я здесь один просто не отобьюсь.

Челюсти напрыглись.

Сдохну я, Марийка останется наследницей всего. Убрать ребенка – проще простого. Но я не могу этого позволить.

Может, выгнать кроху к херам? До трассы отсюда километров семь, но она ведь даже одного не пройдет, завалится в снег и замерзнет. Милосерднее самому завалить, чтобы не мучилась.

Тогда вообще никакая информация никуда не уйдет.

Никто не узнает, что я и Марийка совсем рядом с городом. Никто нас не найдет, пока я этого сам не захочу. Макаров давил на поясницу приятной тяжестью. Теплый, гладкий металл, послушный механизм.

При-о-ри-те-ты...

Маша или Соня.

Только смогу ли? Я ведь не убийца, каким меня все считают.

Я ткнул в кнопку запуска двигателя.

Двигатель приятно бормотнул в последнем обороте и замолчал. Да, я хочу избавиться от своего прошлого. Но закрыть последние вопросы и обеспечить племяннице безопасность оно мне поможет тоже.

Кроха бросилась ко мне первой, не успел я шагнуть в дом.

Красивая, нежная. Вся из чистого вожеления сотканная. Кроха, что же мне делать с тобой, а? Где ответ взять?

– Вадим! – она резко замерла в двух шагах от меня. Будто на невидимую стену наткнулась.
– Вадим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.